

Глава III. На пути к Социальной Революции

Временное правительство, сформированное Думой, было, разумеется, откровенно буржуазным и консервативным. **Его члены: князь Львов, Гучков, Милюков и другие, почти все (за исключением Керенского, близкого к социалистам) принадлежали к партии кадетов**[47], к привилегированным слоям общества. Для них конец абсолютизма означал окончание Революции. (На самом деле она только начиналась... Сейчас же речь шла о «восстановлении порядка», постепенном улучшении ситуации внутри страны и на фронте, продолжении войны с новыми силами и, главное, спокойной подготовке к созыву Учредительного Собрания, которое призвано было дать стране новые основополагающие законы, установить новый политический режим, новый способ правления и т. д. Так что народу оставалось лишь терпеливо, послушно, со свойственной ему незлобивостью дожидаться милостей, которые изволят оказать ему новые руководители страны.)

Эти новые руководители (Временное правительство), разумеется, были умеренными добропорядочными буржуа, ничем не отличавшимися от своих коллег из «цивилизованных» стран.

Политические устремления Временного правительства не шли дальше конституционной монархии. Хотя некоторые его члены полагали, что впоследствии Россия, возможно станет некой весьма умеренной буржуазной республикой.

До формирования будущего, «постоянного» правительства откладывалось решение аграрной проблемы, рабочего и других животрепещущих вопросов; разумеется, решить их предполагалось по западному образцу, который «себя уже зарекомендовал».

В конечном счёте, Временное правительство верило, что сможет использовать переходный период, по необходимости затягивая его во времени, для того, чтобы успокоить, привести к дисциплине и повиновению народные массы, если они вдруг проявят слишком горячее желание выйти за предначертанные новой властью пределы. Затем предстояло при помощи закулисных манёвров обеспечить «нормальные» выборы в Учредительное Собрание, которое должно было быть умеренным и, разумеется, буржуазным.

Даже забавно, насколько эти «реалисты», опытные политики, образованные экономисты и социологи ошиблись в своих предположениях и расчётах. *Они совершенно не поняли происходящего.*

Помню, как в апреле или мае 1917 года в Нью-Йорке я присутствовал на выступлении почётного российского профессора, подробно разобравшего состав и деятельность

будущего Учредительного Собрания. Я задал уважаемому профессору только один вопрос: *что, на его взгляд, произойдёт в случае, если русская Революция обойдётся без Учредительного Собрания?* Довольно презрительно и иронично маститый профессор заявил в ответ, что он «реалист», а вопрошающий, несомненно, «анархист, фантастические предположения которого его не интересуют». Ближайшее будущее показало, что учёный профессор полностью ошибался, именно он в итоге и оказался «фантастом». В своём двухчасовом докладе он не рассмотрел только одну возможность — *ту, которая через несколько месяцев стала реальностью!..*

Здесь я позволю себе сделать несколько личных замечаний.

В 1917 году господа «реалисты», политические деятели, писатели, профессора — российские и зарубежные — за редкими исключениями высокомерно пренебрегли возможностью победы *большевизма* в русской Революции, и в этом заключалось их глубочайшее заблуждение. Сейчас, когда торжество большевизма — временное, на короткий исторический период — является свершившимся фактом, многие из подобных господ охотно признают и исследуют его. Они даже допускают — и вновь ошибочно — его «важное позитивное значение» и «окончательную победу во всём мире».

Ничуть не сомневаюсь, что с тем же «реализмом», с той же «прозорливостью» и высокомерием эти господа не сумеют вовремя предвидеть и признают только задним числом *торжество — подлинное и окончательное — либертарной идеи в мировой Социальной Революции.*

Временное правительство, конечно, не отдавало себе отчёта в непреодолимых препятствиях, с которыми ему вскоре неизбежно пришлось столкнуться.

Наиболее серьёзным из них был сам характер проблем, которыми Временному правительству предстояло заняться до созыва *Учредительного Собрания*. (Впрочем, власти и мысли не допускали о том, что трудовой народ не захочет ждать его созыва — и будет абсолютно прав.)

Прежде всего, *проблема войны.*

Разочаровавшийся, уставший народ продолжал воевать скрепя сердце или, по меньшей мере, с полным безразличием. Что касается армии, то она физически и морально находилась на пределе сил. Бедственное положение страны и Революция окончательно дезорганизовали её.

Перед правительством стояла альтернатива: либо прекратить войну, заключить сепаратный мир, демобилизовать армию и заняться решением внутренних проблем; либо совершить невозможное и удержать фронт, установить дисциплину, поднять боевой дух армии и продолжать войну, чего бы это ни стоило, по крайней мере, до созыва Учредительного Собрания.

Первое решение было, очевидно, неприемлемо для буржуазного правительства, «патриотического», связанного договором с другими воюющими сторонами и считавшего

«национальным» позором односторонний разрыв этого договора. Более того, будучи «временным», правительство стремилось строго следовать принципу: никаких значительных перемен до созыва Учредительного Собрания, которое получит все права для принятия ответственных решений.

Таким образом, Временное правительство пошло по второму пути. И в этом была его глубокая ошибка.

Необходимо подчеркнуть момент, которому, как правило, не уделяют значительного внимания.

Ни физически, ни морально Россия не могла продолжать войну. Упорное нежелание царского правительства понять это послужило непосредственной причиной Революции. Но, поскольку экономическое положение в стране осталось без изменений, правительство, не отдающее себе отчёта в невозможности вести войну, по логике, ожидала судьба царизма.

Конечно, Временное правительство надеялось изменить порядок вещей: положить конец хаосу, реорганизовать страну, вдохнуть в неё новые силы и т. д. Напрасные иллюзии: ни отпущенное ему время, ни общая ситуация, ни настроения народных масс не позволяли этого сделать.

В России машина буржуазного государства была сломана в феврале 1917 года. Его цели и деятельность всегда противоречили народным интересам и стремлениям. Механизм, ставший на время хозяином страны, починить было невозможно. Ибо *именно народ* — вынужденно либо свободно, — а вовсе не власти, *заставлял «машину» работать*. Выведенный из строя аппарат не мог осуществлять принуждение. *А по своей воле народ* уже не желал идти к чуждым ему целям.

Следовало *заменить* сломанный аппарат другим, приспособленным к новой ситуации, а не тратить время и силы на напрасные попытки починить его и снова пустить в ход.

Буржуазное националистическое правительство не могло этого понять. Оно упорно цеплялось за прежние «механизмы» и проклятое наследие свергнутого режима — войну, что само по себе способствовало постепенному снижению его популярности. А без механизмов принуждения правительство не могло *навязать* продолжение войны.

Эту первую возникшую проблему — важнейшую и насущнейшую — Временному правительству решить так и не удалось.

Второй острой проблемой была *аграрная*.

Крестьяне — 85 процентов населения страны — хотели владеть землёй. Революция сделала это стремление неодолимым. После столетий бесчеловечной эксплуатации крестьянские массы не желали больше ничего знать и слушать. *Им нужна была земля, во что бы то ни стало, и немедленно, безо всяких церемоний*.

Уже в ноябре 1905 года (пока провозглашённые манифестом 17 октября «свободы» оставались в силе) на крестьянском съезде, собравшемся накануне созыва Думы, подобные стремления высказывались многими делегатами.

«Меня возмущает, — говорил представитель крестьян Московской губернии, — всякий намёк на выкуп земли. Предлагается возместить убытки вчерашним крепостникам, которые до сих пор, при содействии чиновников, делают нашу жизнь невыносимой! Разве не достаточно возместили мы им, платя арендную плату? Земля эта обильно полита нашей кровью. Более того: наши бабки грудью кормили охотничьих собак этих господ. Это ли не выкуп? Многие столетия мы были лишь песчинками, которыми играл ветер. А ветром были они. А теперь снова надо им платить? Ну уж нет! Не надо нам никаких дипломатических переговоров: хорош лишь один путь — революционный. Иначе нас не раз ещё обманут. Даже говорить о «выкупе» — значит пойти на сделку. Товарищи, не повторяйте ошибок своих отцов! В 1861 году нас перехитрили: дали чуть-чуть, чтобы народ не забрал всё».

«Мы им никогда землю не продавали, — заявляли крестьяне Орловской губернии, — так что не должны её выкупать. Мы им уже довольно заплатили, трудясь за гроши. Нет! Никакого выкупа! Земля на помещика не с луны свалилась, её захватили его предки».

«Выкуп был бы явной несправедливостью по отношению к народу, — говорили крестьяне Казанской губернии, — народу следует вернуть не только землю, но и то, что он заплатил за аренду. Так как, по сути дела, господа никогда не покупали землю: они её захватили, чтобы позднее продать. Это кража».

«Как! Все эти господа, Орловы, Демидовы, Балашовы, — говорили крестьяне выдающемуся учёному Н. Рубакину между 1897 и 1906 гг., — получили землю от царей и цариц бесплатно, в подарок. А нам теперь нужно выкупать её по сходной цене? Это даже не несправедливость, а открытый грабёж».

Вот почему крестьяне не хотели ждать. Повсюду они решительно захватывали землю и изгоняли тех помещиков, которые ещё не успели бежать. Так крестьянство, не дожидаясь решений правительства или Учредительного Собрания, самостоятельно и на свой лад решало «аграрную проблему».

Армия, состоявшая в основном из крестьян, разумеется, готова была поддержать эти действия.

Правительство встало перед выбором: либо смириться с подобным положением вещей, либо воспротивиться, то есть начать борьбу против восставшего крестьянства, а значит, почти наверняка против армии. Естественно, оно избрало тактику выжидания, надеясь, как и в случае с военной проблемой, что ловкими и хитроумными манёврами сумеет всё уладить. Оно заклинали крестьян потерпеть и дожидаться Учредительного Собрания, которое сможет принять какие угодно законы и, несомненно, полностью удовлетворит крестьянские нужды. Но ничего не могло поделать. Призывы его оставались напрасными, подобная тактика не имела никаких шансов на успех. Крестьянин несколько не верил словам «вельмож», стоявших у власти. Его и так слишком часто обманывали! Теперь он чувствовал в себе

достаточно сил, чтобы просто *взять* землю. Он это считал справедливым и если порой колебался, то лишь опасаясь наказания за содеянное.

Точно также буржуазное правительство не было способно разрешить и *рабочий вопрос*. Рабочие массы стремились получить от революции максимум благосостояния и прав. А правительство, естественно, хотело свести их права к минимуму. И на этом поле боя следовало в ближайшем будущем ожидать очень важных сражений. А какими средствами располагало Временное правительство, чтобы проводить свою линию?

Одной из самых серьёзных проблем являлась и *проблема экономическая*, поскольку, с одной стороны, была тесно связана с остальными, а с другой, требовала незамедлительного решения. В разгар войны и Революции, в хаосе и волнениях, охвативших страну, необходимо было вновь наладить производство, транспорт, обмен, финансы и т. д.

Наконец, остро стояла *политическая проблема*. И в этой сфере Временное правительство не предложило никакого достойного решения. Разумеется, оно пообещало как можно скорее созвать Учредительное Собрание. Но мешали тому множество причин. И главное, правительство *опасалось* этого Собрания. Вопреки всем обещаниям, тайным стремлением властей было как можно дольше *тянуть* с его созывом, а тем временем попытаться установить «конституционную» монархию. Но «тем временем» перед ним встали новые грозные препятствия.

Самым серьёзным из них было *возрождение рабочих Советов*, в частности, Петроградского. Он возник уже в первые дни Революции, за отсутствием, как и в 1905 году, других рабочих организаций. Разумеется, в тот момент рабочие делегировали в Совет умеренных социалистов (меньшевиков и правых эсеров). Но тем не менее его идеология и программа полностью противоречили проектам Временного правительства, и между ними, естественно, вскоре возникло соперничество, в котором правительство, учитывая идейное влияние и активность Совета, проиграло.

Петроградский Совет стал для России чем-то вроде второго правительства. Он положил начало созданию широкой сети Советов в провинции и координировал их деятельность. Поддержка всего трудового народа страны придала ему силу. Росло его влияние в армии. Вскоре приказы и распоряжения Совета стали ставиться выше, чем соответствующие документы Временного правительства. В этих условиях последнему пришлось считаться с Советами.

Само собой, правительство предпочло бы повести с ними борьбу. Но предпринять решительные действия против организованных рабочих сразу же после Революции, провозгласившей абсолютную свободу слова, организации и общественной деятельности, было невозможно. И потом, на какие силы опираться в этой борьбе? Таких сил не было.

Так что правительству пришлось делать хорошую мину при плохой игре, терпеть своего грозного соперника и даже «заигрывать» с ним. Официальные власти прекрасно отдавали себе отчёт, сколь ненадёжна была поддержка, которую им пока оказывали трудящиеся массы и армия. И понимали, что в случае первого же серьёзного социального конфликта обе

эти решающие силы, бесспорно, встанут на сторону Советов.

В то же время правительство «тешило себя надеждами». Главным для него было выиграть время. Но столь неудобное присутствие второго, неофициального «органа управления», с которым приходилось считаться, являлось для «временного правительства» — официального, но бессильного — одним из самых главных препятствий.

Ему не следовало пренебрегать и *решительной критикой, мощной пропагандой всех социалистических партий и особенно крайне левых элементов* (левых эсеров, большевиков, анархистов). Потому что правительство и думать не могло о том, чтобы репрессивными мерами положить конец свободе слова. А если бы осмелилось, какие силы стали бы исполнять его приказы? Таких не было.

Даже мощной, организованной и закалённой в бурях буржуазии, выдержавшей уже не один бой с противниками, обладавшими немалой силой (армией, полицией, денежными средствами и т. д.), было бы непросто найти приемлемое решение такого комплекса проблем и навязать свою волю, захватить всю полноту власти в этих условиях. *В России подобной буржуазии не было.* Российские капиталисты только формировались как класс со своим собственным классовым сознанием. Слабые, неорганизованные, не имевшие ни собственных традиций, ни исторического опыта, они не могли надеяться на успех. И потому пребывали в бездействии.

Временное правительство, которое «в принципе» должно было представлять эту бездеятельную, практически не существующую буржуазию, неизбежно работало вхолостую. И это, несомненно, явилось основной причиной его банкротства.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 4 апреля 2025 14:03:13

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 апреля 2025 21:40:57